

I. Большой террор в сегодняшнем общественном сознании и национальной памяти

**Сегодняшняя тенденция направлена на то,
чтобы отодвинуть память о политическом
терроре на периферию сознания**

Арсений Рогинский,
Мемориал

Очень хочется поспорить с Михаилом Сергеевичем Горбачевым по целому ряду пунктов. Но у меня нет сейчас возможности сделать это. Причины и смыслы Большого террора, размышления о том, какие задачи стремился решить этим террором Сталин, равно как и механизмы террора, особенности каждой отдельной операции — все это не тема нашей первой сессии. Тема ее — не 37-й как таковой, а **память о 37-м**.

Одно только замечание: о том, против кого было направлено главное острие Большого террора.

И по сей день постоянно слышишь, что террор был направлен против партии, против «ленинской гвардии». Это все отголоски хрущевского доклада. Конечно, частично это верно. Но только частично. Давайте все-таки не позабудем, что членов партии, — и тех, кто состоял в ней к моменту ареста, и тех, кого исключили раньше, — их за два полных года, 1937 и 1938, было арестовано около 107–113 тысяч человек. Да, эти аресты были очень заметны: наркомы, члены ЦК, секретари обкомов и райкомов, командный состав РККА на всех уровнях, директора заводов, институтов, председатели колхозов, руководители и начальники отделов тысяч учреждений. И так далее. Но общее число арестованных органами безопасности за эти же два года — примерно 1 миллион 700 тысяч человек! Подавляющее большинство из них было арестовано в течение пят-

надцати с половиной месяцев, с августа 1937-го по ноябрь 1938-го. Я уже не говорю о тех, кто был арестован по делам милиции, хотя часть из них, по моему убеждению, тоже должна быть признана жертвами именно политических, а не каких-то других репрессий.

Конечно, более 100 тысяч репрессированных большевиков — огромная цифра. Но рядом-то еще более полутора миллионов никаких не партийцев, а самых что ни на есть «рядовых граждан»! Так что утверждения насчет того, на кого было направлено «острие террора» нуждаются, как минимум, в уточнении.

Вообще говоря, спорить о разных концепциях, выстроенных вокруг 37-го, можно сколько угодно, но есть два бесспорных факта. Первый — это что 1,7 миллиона было арестовано по политическим обвинениям. И второй — что около 725 тысяч из них было расстреляно.

Первая цифра, конечно, огромна; но бывали годы, которые, хоть и не достигали этого рекорда, но, скажем так, сравнимы с 1937-38-м. Например, годы коллективизации: в одном только 1933-м — полмиллиона арестованных, большая часть из них — крестьяне (я говорю только об арестованных, а не о депортированных). Мы как-то не помним эту фантастическую цифру. Мы помним о раскулачивании, о депортациях, о трудпоселках в Сибири и на Севере; но что в 1930–1933 арестовывали по 300–400–500 тысяч человек в год, это помнится куда меньше.

А вот со второй цифрой — совсем другое дело, тут 1937–1938 годы абсолютно уникальны, в другие годы ничего и близко такого не было. Если выстроить график казней по годам, то 1937–38-й на этом графике будет выглядеть огромным пиком по сравнению со всеми казнями, которые были до и после.

А теперь вернусь к теме нашей сессии, к теме памяти о массовом терроре. Ситуация представляется мне весьма печальной. В конце 1980-х гг., когда после десятилетий запретов эта память выплеснулась на страницы газет и журналов, на телевизионные экраны тысячами человеческих документов, она едва не стала общенациональной. А потом по множеству причин она отступила на периферию сознания. И причина здесь

не только в социальных потрясениях 1990-х, которые заставили отступить на задний план трагедии прошлого. И не только в том, что возобновившийся в 1989 году массовый процесс реабилитации принес какое-то успокоение в семьи пострадавших — а таких семей были миллионы. Главное в другом: это полу-стихийное возвращение памяти не было закреплено в некоторых вполне конкретных действиях государства и общества. Не было или почти не было этих действий. Поэтому и сегодня мы не в состоянии осмыслить катастрофу, которую пережили.

Какие действия общества и государства я имею в виду?

Первое: восстановление имен пострадавших. Есть ахматовский завет: «всех поименно назвать». Мы этот завет бесконечно повторяли в конце 1980-х, в уверенности, что страна идет по этому пути, что в ближайшие годы это всё у нас получится.

Каков итог на сегодняшний день?

Сейчас мы в «Мемориале» собираем в единую базу данных имена жертв политического террора. Базу разместим на CD-диске, который разошлем по библиотекам — областным, университетским, частично школьным. Этот диск будет выпущен не позднее, чем через месяц. На нем будут, во-первых, объединены списки из всех доступных нам региональных Книг памяти, а также изданных в разные годы перечней репрессированных представителей некоторых профессий (помните, выходили такие брошюры: «Репрессированные геологи», «Репрессированные востоковеды» и др.?). Ведь эти книги выйдут тиражом 500-1000 экземпляров, полных комплектов их нет даже и в центральных библиотеках. Так что сведение всей информации из этих книг воедино имеет очевидный смысл. Во-вторых, мы включили в базу данные из некоторых Книг памяти, которые еще не вышли, а только готовятся к печати, и редакции которых предоставили свои списки в наше распоряжение. В третьих, очень много новых данных получено из региональных управлений внутренних дел, которые занимаются реабилитацией тех, кто был репрессирован в административном порядке — раскулаченных и сосланных крестьян, жертв тотальных депортаций по национальному признаку и т.д. В четвертых, мы включили туда часть наших собственных баз, накоп-

ленных мемориальскими организациями в ходе многолетней работы.

Из больше чем двух с половиной миллионов имен, которые будут на нашем диске, приблизительно тысяч 800 ранее нигде и никогда не публиковались. Конечно, с другой стороны, мы не смогли включить в единую базу довольно много уже опубликованных имен. Мы не можем учесть все имена из газетных статей, научных публикаций, из мемуаристики. На диске не будет уже составленных полных списков жертв террора в трех странах Балтии. И, увы, на нем почти не представлена Украина. Там эта работа давно и хорошо ведется, издано много Книг памяти, и они продолжают издаваться повсеместно. Но тут возникает другая проблема: книги-то они издают по-украински. Николаи превращаются в Микол, Алексеи в Олекс и т.д. А русская транскрипция имен и фамилий в этих книгах отсутствует, хотя почти все следственное делопроизводство велось по-русски. Что нам с этим делать? Пытаться самим транскрипировать «назад»? Если включать эту обратную транскрипцию в единую базу, то это гарантированная куча ошибок. Давать имена и фамилии в украинской транскрипции? Поисковая ценность такой информации будет почти что нулевая.

Сложные технические проблемы возникают и при попытках включить в нашу базу списки арестованных и депортированных, составленные в республиках с латинской графикой: Литва, Латвия, Эстония, Молдова. Мы пока не сумели решить эти проблемы; надеюсь, со временем как-нибудь с ними справимся.

Так вот, общее количество имен, которое нам удалось собрать и представить на диске, едва превышает 2,5 миллиона. А если прибавить к ней имена из тех Книг памяти, о которых я только что сказал (украинских и других) и которых на диске не будет, то общее число «поименно названных» составит чуть больше трех миллионов. Казалось бы, гигантская цифра. Но на самом деле это очень-очень мало: примерно четверть от 12–13 миллионов — общего числа жертв политических репрессий в СССР (это по самым умеренным подсчетам, базирующимся на той, довольно узкой трактовке термина «жертвы политических репрессий», которая вытекает из российского закона о реабилитации). То есть, мы можем сегодня «поимен-

но назвать» только небольшую часть жертв политического террора советской эпохи.

Вот итоги наши почти за 20 лет — ведь работа началась по сути с 1989 года, с памятного Указа Президиума Верховного Совета СССР от 16 января 1989 года, возобновившего процесс реабилитации. Когда же мы достигнем конечного результата, сумеем назвать **все имена**? Если исходить из нынешних темпов, то получается, что лишь через несколько десятилетий. Даже региональные Книги памяти во многих регионах пока изданы только частично, в некоторых — подготовлены, но не изданы, а в некоторых их еще и не начинали готовить.

Единственная возможность завершить эту работу в обозримые сроки — это государственное решение, однократная политическая воля государства. Такая политическая воля, которую оно проявило, например, когда было решено создать Книгу памяти Великой Отечественной войны. Было отдано указание, и во всех военкоматах, во всех военных и учрежденческих архивах очень быстро собрали огромное количество материалов. И стали известны многие миллионы имен. Но когда речь идет о политическом терроре, то этой политической воли со стороны государства мы решительно не видим, несмотря на многократные обращения к нему по этому поводу. Вот такая ситуация с именами. Это, пожалуй, ведь самое важное.

Второе: места захоронений жертв террора. Они тоже упомянуты в том указе 1989-го года; там сказано о «содержании в надлежащем порядке» мест захоронений.

Сколько же этих мест? Вот 1937 год. Готовится первая, и самая массовая, из «операций» — они ее называли «кулацкой». По этой операции, даже по первоначальным директивам, планировалось расстрелять около 100 тысяч человек — а в конечном итоге расстреляли по ней вчетверо больше. В июле собирают начальников местных управлений НКВД в Москву на совещание, обсуждают с ними «лимиты» на аресты и расстрелы, а также — некоторые технологические особенности этой операции. Ведь расстреливать надо **где-то**, и, стало быть, нужно готовить места для расстрелов — все эти расстрельные площадки, полигоны и, в первую очередь, подвалы. И, главное, **где-то** надо закапывать тела. И обязательно в глубочайшей тайне.

В каждой области были выделены специальные «зоны». «Спецобъекты». В Москве — аж два. И понятно, почему в Москве два. Потому что везде было одно управление НКВД, а в Москве их было два: одно — московское, а другое — центральный аппарат. И у каждого была своя территория для захоронений. Сегодня все знают эти слова: Коммунарка и Бутово. И цифры некоторые мы достоверно знаем: в Бутово в 1937–1938 захоронено более 20 700 расстрелянных.

Из всех этих крупных «спецобъектов» нам на сегодня известно не более 25 процентов. А это ведь только самые массовые захоронения, которые располагались, как правило, совсем рядом с областными центрами. Но далеко не всегда и не везде для расстрела свозили в областной центр: очень часто расстреливали и хоронили прямо в районах. Например, в одной Карелии этих мест, если я не ошибаюсь, больше пятнадцати. А, например, на Дальнем Востоке — не сосчитать. Хорошо еще когда под расстрельным актом внизу написано место, где приговор исполняли, но ведь это не будет точное место, там только будет написан город — Москва, Томск, а если маленький райцентр, будет написан этот райцентр. Но точного указания, где именно расстреливали, где тела закапывали, там нет. И нигде нет, ни в каких официальных документах, связанных с расстрелами, — за редчайшими, единичными, исключениями.

Исследовательница Ирина Флиге многие годы потратила на то, чтобы найти два таких расстрельных места. Одно место под Ленинградом, — не Левашово, о котором всем известно и где сейчас мемориальное кладбище, а другое, на территории Ржевского артиллерийского полигона, — и одно в Карелии, в урочище Сандормох под Медвежьегорском. Медвежьегорское захоронение обнаружили вместе Питерский и Карельский «Мемориалы». Но это чудо: просто случилось так, что сотрудников НКВД, которые в 1937-м занимались расстрелами, самих потом через год арестовали, и в их следственных делах нашлись показания, как и куда они везли людей, как связывали, как потом расстреливали. И там же — сравнительно подробные указания, где конкретно все это происходило. Речь идет о расстреле так называемого Соловецкого этапа — 1111-ти заключенных, вывезенных из Соловецкой тюрьмы и бесследно пропавших (то есть, то, что их расстреляли, к началу

1990-х было уже очевидно, — но вот где? Оказалось, что в Сандормохе). Сейчас в Сандормохе памятники, люди из разных стран приезжают, ежегодные дни памяти там проводятся. Каждое такое открытие имеет огромное значение, но достигается очень трудно. Это не чья-то злая воля: что кто-то знает эти места, а нам не открывает. Нет, это не так. Их действительно нужно искать, искать всерьез, искать, прежде всего, в архивах, опрашивать местных жителей, опрашивать бывших сотрудников НКВД или их близких — вдруг кто-то что-то кому-то рассказал.

О лагерных кладбищах я и не говорю. По самым примерным подсчетам, должно было быть не менее 10 тысяч лагерных кладбищ, и неизвестно сколько кладбищ при трудпоселках, но они практически все исчезли: заросли, распаханы, заасфальтированы, застроены. Их просто нет. Только единицы из них сохранились.

Сегодня многие сотни тысяч людей, может, больше, не знают, где похоронены их близкие: те, кого расстреляли, кто погиб во время следствия, кто умер в лагере или на спецпоселении.

Но здесь, чтобы что-то сдвинуть, что-то решить, нужна не только общественная энергия, здесь нужны возможности хотя бы для беспрепятственной архивной работы. Их нет; впрочем, это отдельная печальная история, которой я сейчас не буду касаться. И, главное, нужна политическая воля и энергия государства, энергия его структур. В выявлении мест захоронений жертв террора можно добиться какого-то результата только совместными усилиями государства и общества.

Но у нас нет государственно-общественной программы даже по созданию Книг памяти. Понятно ведь каждому, что без такой программы в полном объеме они не будут созданы. Никогда. Региональной инициативой, — местных администраций, местной общественности, — здесь не обойтись. И нет такой программы по поиску мест массовых захоронений.

Вообще-то, если совсем всерьез, то надо говорить о международной программе по увековечению памяти жертв террора, в которой будут участвовать все страны, входившие в Советский Союз. И государства, и общественность. Ведь программа эта — она касается всех, прошлое-то у нас всех общее. И арес-

товывали людей повсюду, и перемещал их террор из одного конца страны в другой, и убивали их, и умирали они от лишений — тоже повсюду. К тому же и документы о терроре рассредоточены по архивам всех наших стран. Так что это дело, которое можно и должно делать вместе. Возможна ли сегодня такая совместность? Похоже, не очень. Но может быть — завтра...

Третье: памятники. О них — коротко. О памятниках, кстати, тоже впервые — если не считать заявления Хрущева в 1961 году — сказано в январском 1989-го года Указе ПВС. Но сегодня, вместо многих памятников, на которые мы тогда надеялись, у нас так и остались закладные камни, установленные в 1989–1991 годах.

Выскажу только одно замечание. Нашу память о терроре уже явно и очевидно в последние годы выталкивают из центров городов на кладбища. Государство иногда поддерживает какую-то мемориализацию, но только на кладбищах, на выявленных местах массовых захоронений жертв. Мемориализация мест захоронений — кто бы спорил; но если только она, то есть в этом и некоторая подмена. Память о государственном политическом терроре должна быть закреплена в центрах наших городов. Помните, в Берлине стоит стела в центре города, их несколько там, и стрелочка — Дахау, стрелочка — Бухенвальд. Идет ребенок и спрашивает у мамы, что такое Дахау, что такое Бухенвальд. Мама ему объясняет. Так передается национальная память. Сохраняется и передается.

Ничего подобного у нас нет. И нет этих бесчисленных табличек, которые висят во многих немецких городах: «из этого дома тогда-то увели такого-то. Погиб в Аушвице тогда-то...». А ведь, например, только Москва и только от расстрелов потеряла более 40 тысяч человек. Но в Москве нет ни одной мемориальной доски, где было бы написано, что такой-то стал жертвой террора. Да, есть доски каким-то военным, каким-то замечательным ученым. Но ведь не сказано на этих досках, что люди эти были убиты! «Здесь жил маршал такой-то», «здесь жил академик такой-то»; а про то, что они были убиты, — ни слова, ни намек. И вот люди идут по городу, а никаких реальных знаков пережитого террора в городе нет. И так почти во всех городах, хотя в некоторых все же немного по-другому: в Петербурге есть несколько досок, в Перми, где-то еще. Кому-

то как-то это удастся. Нам в Москве — не удастся. Это все вместе и создает ситуацию полной утраты памяти о терроре.

Четвертое: музеи. О них скажу совсем коротко. Общественного музея истории политических репрессий нет. В 1989-м много писали об устройстве такого музея в здании, где располагалась Военная коллегия Верховного суда — один из главных штабов террора 1937–1938 годов; сейчас в нем собираются устроить торгово-развлекательный центр.

Региональные музеи. Как в региональных краеведческих музеях хранится эта память? Я часто бываю в городе Киржач, это во Владимирской области. Прихожу в краеведческий музей. Конечно, главная экспозиция и главная гордость краеведческого музея — Юрий Гагарин. Потому что он там разбился. Я не против экспозиции о Гагарине. Но вообще-то Киржачский район довольно большой, и есть список расстрелянных в этом районе — но в музее ни звука о них, ни слова. Таких краеведческих музеев у нас подавляющее большинство. Хотя есть и другие; региональная память о терроре, в отличие от общенациональной, в России существует. Об этом сегодня еще будут, надеюсь, говорить.

Пятое и, на самом деле, главное: учебники. О них здесь тоже наверняка будут много говорить. У меня, опять-таки, только одно замечание. Еще пять-десять лет назад мы обычно говорили: «В учебниках истории слишком мало, слишком отрывисто и слишком бессистемно говорят о политических репрессиях». Сегодня уже так не скажешь. Сегодняшняя тенденция совсем другая. Она направлена на то, чтобы отодвинуть память о политическом терроре на дальнюю периферию сознания.

Такова общая картина сохранения памяти о терроре, в том числе и в первую очередь о терроре 1937–38-го годов. На мой взгляд, она мрачная.

На что надеяться? На что опираться? Только на одно: по счастью, эта память все равно не исчезает и каким-то образом функционирует. Об этом, надеюсь, и будет идти сегодня речь.